

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

А. Б. Паткуль

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТОПОСА

Рец. на книгу: Савчук В.В. *Топологическая рефлексия*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 416 с.

Прежде чем переходить к обсуждению предмета новой работы проф. В.В.Савчука «Топологическая рефлексия», мне хотелось бы поздравить Валерия Владимировича с выходом этой книги.

Что касается высказанного автором мнения о моем принципиальном противостоянии его позиции, здесь у меня есть одно *маленькое сомнение*. Профессор В.В.Савчук хочет представить меня в качестве радикального критика и даже оппонента его начинаний; по его словам, именно в полемике со мной «оттачивались многие тезисы книги» (с. 14). На самом деле это не так или не совсем так. С концепцией Валерия Владимировича я — в основных ее пунктах — как раз согласен. Я думаю, что ему удалось уловить некую тенденцию, которая уже начинает определять сегодняшнее понимание философии и ее задач: обращение к пространству, месту (ср., напр., переориентацию идеи феноменологически понятого опыта с горизонта времени на пространство у В.И.Молчанова). Я полагаю, что тенденция эта не нечто случайное, не веяние моды; она выражает что-то важное, еще, быть может, до конца не открытое в трансформации философии. И я уверен, что работа, проделанная проф. В.В.Савчуком, будет способствовать зрелости подобного открытия. Действительно, философская мысль теперь уже не может позволить себе быть бесплотной, неуместной, говорить от лица некоей безличной инстанции, представляющей собой пустую всеобщность.

Паткуль Андрей Борисович — канд. филос. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: patkul@rambler.ru

© А. Б. Паткуль, 2013

И тем более не может она пользоваться фокусом в духе Гегеля, показывая, что частность — это всего лишь инобытие такой всеобщности, в которой она себя конкретизирует. Актуализация философии происходит всегда здесь и теперь, этим вот взявшим на себя ответственность личного усилия философствования индивидом, принадлежащим некоторому месту. Сам топос и осуществляется в философствовании, и находит себя в нем.

Однако мне, как приверженцу понятого в широком смысле трансцендентализма в философии, хочется все же адресовать топологии проф. В.В.Савчука следующий вопрос. (О топологии я говорю здесь именно в философском, строго метафизическом смысле, который не обязан как-то перекликаться с математическим значением этого слова или какими-то другими однокоренными терминами из других областей знания. Честно говоря, в такой междисциплинарности, если угодно, междисциплинарной расхожести, мне ничего, кроме дурного тона, не видится.) Так вот, вопрос к топологии В.В.Савчука можно было бы сформулировать так: «Что дает право каждому топосу в его отдельности претендовать на выражение существенного?». Что задает его уникальность и значимость таковой для философии, ибо без претензии на выражение существенного нет и не может быть никакой философской значимости? Я не говорю при этом о «всеобщем», но только о «существенном»: «Только конечная личность, осуществляющая рефлексия, способна к топологическим формам, идущим от тотальности к локальности, означающее того, что в своей конечности человек способен постигнуть бесконечное» (с. 304).

Концепция В.В.Савчука, на мой взгляд, ставит под вопрос и логическую корреляцию понятий всеобщего и существенного, которые мы привыкли перечислять в одном ряду, через запятую, как будто это синонимы или очень близкие друг другу слова. Позиция же топологической

рефлексии демонстрирует, что такая связь терминов не необходима, что всеобщее может не быть существенным, а существенное — всеобщим. Поэтому вопрос можно повторить и в такой формулировке: «Как уникальное оказывается способным достигать существенного и выражать его?» В самом деле, о чем мы говорим, когда речь заходит о топосе философствования — об эмпирических обстоятельствах биографии философа, его вкусах и предпочтениях, которые сложились не без влияния того географического и культурного пространства, в котором он как философ сформировался? Можем ли мы, подобно тому как говорят о московской и петербургской фортепианных школах или языковых нормах, а также о стилях игры петербургского футбольного клуба «Зенит» и московских «Динамо» и «Спартак», говорить о существовании московской и петербургской философий или по крайней мере школ философии, — так что философия различалась бы так же, как различаются фортепианная техника или стиль футбольной игры?

Очевидно, что простая эмпирическая фактичность, случайность не могут иметь здесь отношения к существенному. Место в философском смысле должно быть местом в каком-то совершенно особом смысле этого слова. И этот смысл, я полагаю, еще придется прояснять. Поэтому, говоря о топологии в философии, и в частности о топологической рефлексии, мы предварительно должны спросить себя, отчасти повторяя вопрос Хайдеггера «Каким образом Бог приходит в философию?»: каким образом место, топос приходит в философию, т.е. оказывается способным из своего, частного представлять существенное? Я прошу прощения за каламбур, но следует прояснить, из какого места в его трансцендентальном смысле может вести собственно философскую речь частность топоса; как различные топологические определения, вполне эмпиричные и фактичные, становятся, если угодно, фигурами философии. Уверен, что это весьма интригующая перспектива для дальнейших исследований проф. В. В. Савчука.